

пытки сопротивляться феодальному гнету караются небесными силами. Одним из героев обеих повестей выступает «блаженный» Василий, являвший собою образ смирения и отрицания всех, даже элементарных жизненных благ («дивный нагоходец» «самоволне» даже «телеснаго одеяния» не имел).³² Итак, смирение — удел народных масс. А поскольку Москва в 1521 и 1547 гг. избавлена от гибели заступничеством богоматери и угодников,³³ постольку в религии и покорности церкви следует искать опору в житейских бедах. Таков несложный идейный смысл обеих повестей, являвшихся характерным образцом идеологического воздействия церкви на народные массы в период обострения классовой борьбы в середине XVI в. Весьма характерно, что в Повести о пожаре 1547 г. даже не упоминается о восстании в Москве, происшедшем через несколько дней после этого пожара.

Наряду с реакционно-клерикальным замыслом повести содержат интересные сведения современников о событиях 1521 и 1547 гг. Весьма показательна беспощадная критика автором Повести о московском пожаре своекорыстной политики боярских временщиков.

После смерти Елены Глинской, пишет он, «бояре и велможи вси видяще самодержьца наследника царствию юна суща и яко благополучно и самовластно себе время видяще и изволиша собрати себе множество имения и вместо еже любити правду и любовь, в ненависть уклонишася и кождо их различных санов желающе и ничтоже получаху, но обаче на мало время. И нача в них быти самолюбие и неправда и желание на восхищение чюжаго имения и воздвигоша крамолу велию, желающе себе властолюбия. Друг друга лукавством не токмо в заточение посылаху и в темницах затворяху и юзами облагаху, но и самой смерти предаваху, навыкше господоубийственному совету. Иже преже умориша и самех двух царьских отрослей князя Георгия и князя Ондreja Ивановичев. Также и сами на своих друзей востающе и яростными смертьми скончавша и дома и села их наследоваша. И от похищения чюжаго имения дома их исполниша и сокровища их неправеднаго богатества умножишася. Не токмо же сие едино содеваху, но и великия главам приразишася, дву митрополитов святительскаго престола лишаша — Данила³⁴ и Иасафа,³⁵ праведне учащих и обличающих их. Но понеже богу изволившу по сих же на престол их воздешу пресвященному митрополиту дивному* Мокарию многа же настроения тогда содевахусь даже и до самого возраста царьскаго, дондеже царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси царьским венцем венчася рукою того преосвященнаго Макария митрополита всея Руси и законному браку приобщишь».³⁶

В этом рассказе важен ряд моментов. Первое — это указание на расхищение земельных владений княжатами и боярами, т. е. на борьбу за перераспределение земли внутри класса феодалов. Второе — отмеченное автором «самовластие» бояр, приводившее к борьбе между ними за власть и чины. Третий момент — это отнесение конца феодальных распрей ко времени венчания царя. В этом Повесть отличается от продолжателя Летописца начала царства, который датирует самостоятельное правление Ивана IV выступлением его против Андрея Шуйского. Автор Повести более прав, относя серьезные сдвиги в политике Ивана IV к 1547 г.

³² ВБЛ, Рогожск. 82, лл. 286 об. — 287.

³³ ВБЛ, Рогожск. 82, лл. 287 об., 294.

³⁴⁻³⁵ Слова над строкой. В тексте «Иосифа».

³⁶ ВБЛ, Рогожск. 82, лл. 291 об. — 292.*